Ростовская старина

Выпуск Ростовского отделения ВООПИиК и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 133

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

«...Жизнь в Ростове шла тихо - мерно...»

Летом 2006 года состоялось мое знакомство с В.А. Селивановым, потомком известного ростовского предпринимателя П.А. Селиванова; об этом писала газета «Ростовский вестник» в № 70 от 14 сентября. Владимир Арнольдович был столь любезен, что прислал сохранившиеся отрывки из воспоминаний П.А. Селиванова (род. ок. 1910), брата своего деда, полного тезки пра-прадеда. Написанные в разное время (период 1961-1964 гг.), они, несмотря на краткость и некоторую отрывочность, безусловно, очень интересны, перенося нас почти на 100 назад, в Ростов времени его расцвета в начале XX века.

Дом, где жила семья автора, обветшал, но сохранился. Его современный адрес – ул. Пролетарская, 14.

И вот – открывается дверь в «дом с зеркальными окнами»…

Е. КРЕСТЬЯНИНОВА.

Воспоминания П.А. Селиванова

…Как всегда, первые воспоминания детства относятся к зрительной памяти. Отдельные «кадры», фиксирующие обстановку, в которой жил, некоторые встречи, оставившие сильное впечатление на ребенка, события и т.д. Такие картинки сохранились в моей памяти и до сих пор, и первые из них относятся примерно к 5-летнему возрасту (1915 г.).

Это жизнь в Ростове Ярославском, где мы жили в небольшом двухэтажном деревянном доме, хорошо (по тому времени) устроенном и обставленном, имевшем большой участок и много построек - сарай, погреба, конюшни, манеж, баню, маленькую оранжерею, сад. Сначала мы занимали второй этаж, а в первом жил генерал немецкого происхождения. С началом I мировой войны он выехал, и первый этаж был в нашем распоряжении, и помню я именно это время.

Я с братом жил на 1 этаже, в уютной комнате со светлыми серо-зелеными обоями. В другой комнате жили сестры Нина и Надя. Между нами было по 2 года, я старший, потом брат Сергей, потом Нина и последняя – Надежда. Надежда с детства была больна детским параличом и правая половина – рука и нога были плохо развиты. Была свободная комната почти без мебели, пол которой покрывали ковер и в которой были корзинки с игрушками и маленький столик со стульями. К ней примыкала будничная столовая, в которой обедала семья. На первом этаже была кухня и комната няни и кухарки. С нами постоянно жили две племянницы мамы (из трех) Катя, Соня и Галя.

Второй этаж имел спальню родителей, кабинет отца, гостиную, праздничную столовую и свободную комнату для приезжающих. Кухня там пустовала, и из нее был сделан склад. Дом имел кафельные печи, ванную, промывные уборные, водопровод. Полы были покрыты линолеумом, комнаты хорошо отделаны по проекту отца. Имелся на 2-м этаже балкон, и парадный и черный выходы. Этажи сообщались внутренней лестницей. Дом этот купил дед на троих сыновей (всего у деда было 5 живых сыновей и 5 дочерей, да умерло еще двое). Отец мой – старший. Дом отделывал отец, а его молодые братья жили с родителями, и тогда были холостые (младший лишь на 10-12 лет старше меня).

Отец держал конюшню, в которой, жеребятами доходило до 8 голов, и мечтал вывести специальную породу черных «орловских рысаков». Лошади были хорошие, молодняк он, видно, продавал. Были конюхи, 2 кучера и дворник. Я часто и много бывал на этой части двора и уже в 6 лет ездил верхом на старой маленькой лошадке, приобретенной в цирке (по старости), которую звали Царевич.

Жили в достатке, по нашей детской жизни излишек не было видно. Одеты были добротно, но просто, ели хорошо, но тоже просто, без шика. Как жили родители, до 17-х-18-х годов мы не видели – это был второй этаж, где мы бывали редко, только когда бывали праздники или изредка при гостях. Общение с другими семьями для нас в памяти не осталось, кроме контрабандных встреч и знакомств с ребятами по соседним домам или с детьми квалифицированных рабочих с завода, на котором отец работал Управляющим и который был близко от нашего дома. Там я часто бывал с отцом и очень интересовался машинами (это сказано громко). С нами была больше мать и ее родственники, вплоть до сестер и чудесной бабушки, которая приносила нам чудесные пирожки с изюмом и такой вкусный черный хлеб. У отца бывали редко, я его узнал больше уже с 7 лет [после революции], когда мы жили только на 2 этаже, а впоследствии, только в 3-х комнатах из 10, принадлежавших ему лично по наследству…

Кто мои родственники

Отец Александр Павлович, сын купца I гильдии, совладельца Торгового Дома «Александр Петрович Селиванов и С-ья», имевшем паточный, цикорный, 2 картофелетерочных завода, лавку фирмы по продаже ее продукции и контору с аналогичной лавкой в торговых рядах. Отец родился ок. 1885-1887 г. (в г. Ростове Ярославском). Женился в 1904 году (в Москве, где мы жили до 1813 г., когда умер Дед).

Мать урожд. Орлова – Варвара Михайловна 1878 г. рождения – старше отца, дочь церковного сторожа, с 8 лет оставшаяся без отца и воспитывавшаяся матерью Серафимой Евграфовной и сестрами Верой и Анной. Первая – портниха-белошвейка, вторая – учительница приходской начальной школы.

Отец окончил Высшее императорское коммерческое училище (помню, видел диплом). Мать окончила курсы и имела диплом повивальной бабки (тоже видел диплом курсов при Университете в Москве). Брат ее поп, дядя – профессор Римского права Университета в Москве. У него и фабриканта Кузнецова (фактор) она жила в прислугах, когда училась в Москве. Как рассказывала Соня Понтелеева (ее племянница), женились они тайком, после случайной встречи, когда моя мать ухаживала за больной матерью отца. Говорят, она была очень красива и отец тоже, во что можно поверить, судя по фотографиям отца времен 1914-1916 гг.

Как они жили в молодости – не знаю, говорят, что после 1913 г., когда отец получил наследство [умер Дед – Павел Александрович, глава Торгового Дома] (до этого он был изгнан из дома и жил в Москве, работая счетоводом в Банке), он много пил, почему мать и изолировала детей от него. Об этом мы узнали после 1918 г. и очень в нем разочаровались…

…10.VIII.64 г. Картинки ранней молодости (до школы)

Жизнь в Ростове, когда я ее помню, шла тихо – мерно. Утром мы вставали около 8, прямо к завтраку. Завтрак, как теперь говорят, был стандартный – каша, яйцо всмятку и чай с булочкой с маслом. Булочки были самые свежие, только что выпеченные в булочной напротив. Мать всегда была с нами, отец, видимо, с ней завтракал позже или отдельно.

Летом мы много времени были на улице. Гуляли с племянницами мамы, а мальчишки часто уходили в конюшню. Помню, я кувыркался в сложенных снопах соломы и провалился в середину клетки вниз головой. Выбраться не мог, был еще в шубе, и пробыл вниз головой долго, пока меня не хватились и по голосу не нашли и не вытащили. Сестра Нина раз, кувыркалась в сене и оказалась с иголкой в черепе, которую мама забыла в ее капоре. Вообще я и Нина были более беспокойные, а брат Сергей-Рева долго пил молоко из соски и был ленив и неподвижен. Надежда была совсем маленькой, и все время с нянькой или мамой.

Вечером мама уезжала часто в гости с отцом, и я скандалил, не хотел без нее оставаться. Вообще любил дразнить Сергея и Надежду, и поэтому они не любили со мною оставаться.

Рано начал ездить на своем Царевиче, который был приучен ложиться, чтобы мне можно было сесть в седло. У меня была черкеска, и я выглядел неплохим наездником. Отец меня часто брал кататься на каталке или санках, а иногда ездили все в ландо в Борисоглебск, где была дача. Место отличное, лес рядом, дача очень красивая, в русском стиле (по рисунку отца). Играли мы с братом дома больше в строительство из кубиков и книг, девочки были от нас отдельно (они были маленькие).

…На второй год войны отца взяли в армию и назначили в тяжелый артдивизион, который формировался в Лосино-Островском. Летом мы сняли там дачу, и он часто бывал дома. Много занимался фотографией. Чин его был маленький – бомбардир, и он носил погоны с полосой и бомбой. Пушки были большие. С нарисованной на стволе змеей. Таскали их смешные тракторы, которые часто портились, и взамен прицепляли 3 пары лошадей.

У дома был сад. А летом мы еще ходили на хозтерриторию склада или офицерский сад, где играла музыка…

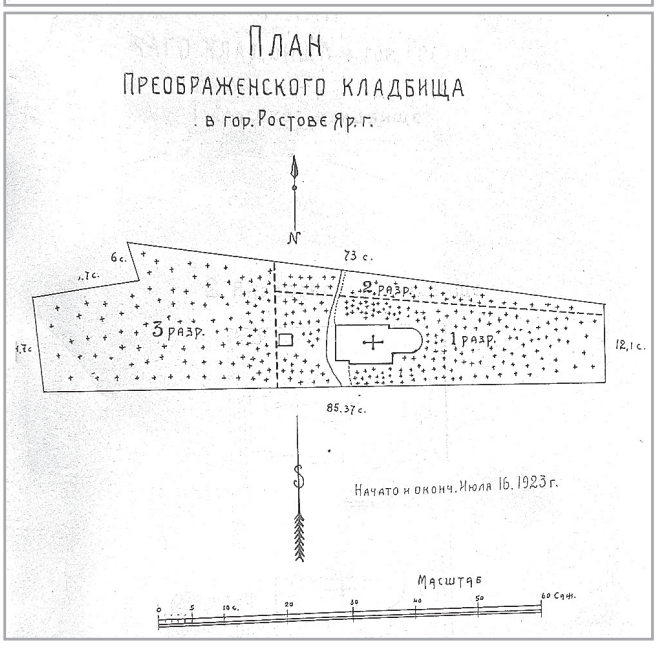
Выражаем благодарность Владимиру Арнольдовичу Селиванову за возможность публикации воспоминаний П.А. Селиванова. Е.К.

Из истории ростовских некрополей

На ликвидации некрополей в Ростове сказалось закрытие кладбищенских церквей. В частности, настоятель Преображенской церкви (в народе часто называлась: «Царя Константина и Елены» – К.С.) протоиерей Иоанн Федоровский написал 27 ноября 1929 г. заявление в адмотдел Ростовского райисполкома о том, что по возрасту и по состоянию здоровья был снят с должности настоятеля Преображенской церкви и уволен за штат. 17 февраля 1930 г. он написал повторное заявление, в котором указывал на «отказ от должности служителя культа и от сана священника и просил считать его простым жителем и гражданином г. Ростова». Церковная община в лице председателя приходского совета Леонтия Константиновича Левского пыталась сохранить храм действующим, но безуспешно, и в итоге была вынуждена просить местные власти отнести ее к Спасской общине, находившейся в Красной слободе. 1 декабря 1929 г. собрание прихожан Преображенской церкви Приозерной волости в количестве 85 человек единогласно постановило: «Ликвидировать Преображенскую общину» в связи с малочисленностью прихожан и невозможностью заплатить установленный местными властями дополнительный сбор по страховке за здание. Следует заметить, что с переходом общины в Спасский храм, в него была передана из церкви Преображения Господня икона «Богородица всех скорбящих радости», риза которой вышита из натурального и искусственного жемчуга. (В это время на колокольне храма имелось - 9 колоколов, в т.ч. 1-й – 105 пуд., 2-й – 29 пуд., 3-й – 9 пуд., 4-й – 4 пуд., 5-й – 3 пуд., 6-й – 2 пуд., 7-й – 1 пуд., 8-й – 30 фунт., и 9-й – 19 фунт.).

Еврейское кладбище в Ростове существовало также, пока была община верующих, а молитвенное здание их размещалось на ул. Володарского в доме № 37, кв. 4 (по спискам верующих 1923 г. прихожан иудейского вероисповедания в городе было 53 человека, а на 29 января 1929 г. – 29). 28 мая 1929 г. председатель общины Абрам Мордоусович Глейхман и секретарь Залман Абрамович Сахар написали заявление в административный отдел Ростовского исполкома с просьбой «не считать существующей еврейскую религиозную общину» с мая 1928 г. из-за небольшого количества верующих. В ответ на это 31 мая 1929 г. зам. председателя Ростовского горсовета Петров письмом за № 1896 уведомил начальника городской милиции о закрытии еврейской религиозной общины и указал сделать опись имущества синагоги. 19 июня 1929 г. комиссия в составе надзирателя 2-го участка ростовской городской милиции Пластинина, представителя общины Глейхмана, Ростовского музея Шлякова и районного финансового отдела Н.Н. Кудрявцева произвела опись имущества синагоги по списку из 20 пунктов, где было, в т.ч., 4 Торы на пергаменте, 2 мешлое на пергаменте, 17 хумошиль, махзадши, 17 сидурши, 12 венских стульев.

Подобная участь постигла и приходскую общину Петровского монастыря, когда президиум горсовета на заседании 21 ноября 1931 г., на основании заявления верующих об отказе от помещений, предоставленных для совершения богослужений, утвердил самоликвидацию общины, а монастырские здания передал под охрану местному музею.

К. СТЕПАНОВ.

Окончание следует.